

завтрака, а тамъ и прогулка. Должно быть, Вѣра теперь здѣсь по близости, на берегу, съ дѣтьми.

Петръ Николаевичъ побѣжалъ по указанному направленію, и дѣйствительно нашелъ тамъ дѣтей, но Вѣры не было.

— У нея сильно разболѣлась голова, — лаконически пояснила Александра Ивановна.

Снова спокойная, снова упоенная и счастливая, Анна, не смотря на дождь, который уже и проходилъ, увлекла дѣтей въ какую-то шумную игру. Петръ Николаевичъ поспѣшно пошелъ домой.

Вѣра Андреевна сидѣла на балконѣ, съ книгою въ рукахъ, которую она не читала. Она была спокойна и не подняла головы, когда къ ней подошелъ Петръ Николаевичъ.

— Уѣхали! — сказалъ онъ со вздохомъ облегченія.

— Все равно! — произнесла сквозь зубы Вѣра Андреевна.

— Я такъ счастливъ, Вѣра, точно обуза у меня съ плечъ свалилась.

— Съ твоихъ свалилась, а на мои легла.

— Какъ такъ!

— Не вѣрю я тебѣ больше, Петя! эта уѣхала, другая пріѣдетъ...

— Помилуй, гдѣ же эта другая?

— Найдешь!

Разстроенный нервами до послѣдней степени, униженный Стеллой, обругавшей его какъ только можетъ обругать дочь уличной торговки, взрослая на площади испанскаго базара, уязвленный злымъ бичеваньемъ Анны, Петръ Николаевичъ, наконецъ, не выдержалъ.

— Ты не можешь говорить мнѣ подобныя вещи, — накинулся онъ на жену: — я командовать собою не позволю, — онъ повысилъ голосъ, — и вертѣть собою тоже не позволю, слышишь!

Въ большой досадѣ онъ вышелъ, но тотчасъ же опомнился. Онъ созналъ, что на Вѣру Андреевну обрушилось все то, чтѣ должно было бы обрушиться на Стеллу и пожалуй и на Анну. Онѣ обѣ были для него вполне чужія, и никакихъ обязательствъ относительно ихъ онъ не имѣлъ, и никакого счастья онѣ ему никогда не дали, точно такъ же какъ не принесли ему никакой жертвы. Однако и съ той, и съ другой онъ обошелся сдержанно и мягко, а сорвалъ сердце только на той единственной женщинѣ, которая была связана съ нимъ цѣлою молодостью и которой уже безъ того нанесъ глубокую обиду.

Все это Петръ Николаевичъ отлично созналъ, и даже раз-